

ДВЕ СТРАНЫ. ДВЕ СИСТЕМЫ. ОДНА ЖИЗНЬ.

NEW YORK

ЛОНДОН

МОСКВА

АНТАЛИЯ

НАЛОГОВЫЙ РЕЗИДЕНТ ДВУХ СТРАН

РОМАН

МИХАИЛ НАДЫСЕВ

CONFIDENTIAL

INTERNAL REVENUE SERVICE

PASSPORT

United States
of America

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ

ПАСПОРТ

НАЛОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

RESIDENT

ДЕЛО №

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

TAX RESIDENT

Михаил Надысев

Налоговый резидент двух стран

«Автор»

2026

Надысев М. Н.

Налоговый резидент двух стран / М. Н. Надысев — «Автор»,
2026

На украинском фронте исчезают американские разведчики и секретная аппаратура. Один из них попадает в российский госпиталь. Второй числится погибшим. Но тело пропадает. С этого момента начинается операция, в которой уже невозможно понять, кто кого ведёт: американцы пытаются вернуть своих людей и скрыть провал, российские спецслужбы разыгрывают многоходовую комбинацию, а те, кого считали пешками, внезапно оказываются фигурами совсем другого уровня. Госпиталь, фронт, Москва, Тула, Анталия, штабы, курилки, допросы, экскурсии, случайные разговоры и тщательно подготовленные легенды складываются в историю о войне нового времени: войне разведок, смыслов, технологий и человеческой выдержки. Это не роман об одном пленном и не история одной спецоперации. Это книга о том, как рушатся чужие сценарии, когда в игру вступают люди, которых нельзя просчитать по учебникам. И о тех, кто живёт между двумя мирами, меняя имена, судьбы и правила игры.

© Надысев М. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Надысев

Налоговый резидент двух стран

Часть 1

— Сэр, долго нам ещё валяться в этой сраной грязи? — не поднимая головы, спросил Джо.

— Тише, идиот. Орки услышат, — тем же приглушённым голосом ответил Сэм, лежавший рядом — в той же грязи, на дне воронки от снаряда, а то и от ракеты.

— Да до них полмили. Что они там услышат? Вроде всё стихло. Надо оглядеться по сторонам и вытаскивать отсюда свои задницы.

Джо не успел договорить, как над самой головой прозвучала чёткая, сухая команда:

— Встать. Руки вверх.

— Мы... мы мирные люди, случайно попали сюда, — начал Сэм, но голос сверху сразу оборвал его:

— Только что мило трепались по-английски, а теперь, значит, случайно забрели. Всё, ребята, приехали.

— Если можно, один вопрос? — проговорил Сэм.

— Валяй.

— Вы кто?

— Мы-то? А вам не всё ли равно? — спокойно ответил голос.

— Если бы было всё равно, не спрашивал бы, — сказал Сэм.

— Ладно, не тяните время. Ваши за вами не придут. Нет их больше. Вставайте в полный рост. Оружие — наверх, на край воронки. Своё барахло берите аккуратно, и в путь.

Подняв голову, Джо огляделся: по краю воронки стояли солдаты с красными повязками. Красными. Значит, русские. Внутри будто что-то оборвалось. Он медленно встал.

— Моё оружие рядом. Больше на мне ничего нет. Чтобы вы не поняли превратно, автомат поднимать не буду. Ничего другого я с собой не брал.

Джо осторожно полез наверх. Склон был не слишком крутой, но жижа, в которую превратился украинский чернозём, цепляла за ноги крепче любых рук. Один из солдат подал ему ладонь и вытащил его из воронки. Обыскали его спокойно, без суеты, и за эти несколько минут он успел оглядеться. Ещё полчаса назад здесь были передовые позиции украинских войск. Теперь — каша из грязи, дыма и железа.

Он и его начальник Сэм вели рекогносцировку на том направлении, где украинцы готовили наступление на российские позиции. Новейшая аппаратура видела местность в разных спектрах, писала объёмный звук на мили вокруг. Этого хватало, чтобы наводить удар почти ювелирно. Всё, что она улавливала, мгновенно уходило на спутник, а дальше — в штабы ВСУ и США. Из окопов обзор был дрянной, поэтому они вдвоём выползли на невысокий холм. Со стороны русских их, по идее, заметить не могли.

Но стоило им подняться, как начался тяжёлый обстрел украинских рубежей. Они увидели воронку, прыгнули в неё и решили переждать. Вот и переждали. Теперь — плен. Подвал, провода, выбитые зубы — всё, что он когда-либо слышал о русском плене, разом полезло в голову.

Джо молчал, выполнял все команды, но одного понять не мог: его не били, не оскорбляли, обращались на «вы» и даже чересчур вежливо. «Мягко стелют... да жёстко спать», — мелькнуло у него. От этой мысли стало совсем не по себе; по телу прошла дрожь. Солдат, обыскивавший его, спокойно бросил:

— Не бойся, паря. Для тебя война уже закончилась. Сейчас согреешься.

От этих слов страх только усилился. Джо видел, как пару недель назад украинские националисты расправились с российскими пленными. Их пригнали с передовой — связанных, избитых. Сначала их хотели запереть в сарае, но потом решили иначе: устроили показательную казнь. Кадры той бойни вновь полоснули по памяти.

И всё же он упрямо твердил себе: «То были добрые и душевные украинцы, а это — злые орки, русские. Но надо терпеть. Я не имею права опозорить свою страну. Я знал, на что иду: воевать со злом за правое дело, за демократию, за свободу, за величие Америки, за мир, основанный на правилах. Против российской агрессии в отношении свободного мира».

Но легче от этих мыслей не становилось. Когда он наконец вынырнул из этого внутреннего бреда, то заметил, что они с Сэмом идут рядом и их даже не связали. Он повернулся к Сэму и по-английски сказал:

— Сэр, я считаю честью, что служил под вашим началом. Возможно, это последнее, что я успею вам сказать.

— Джо, прекрати истерику, — отрезал Сэм и раздражённо махнул рукой.

Спокойствие командира поразило Джо. Вот так, подумал он, и должен встречать смерть настоящий офицер. Сам он недавно окончил один из лучших американских центров военной разведки. Выучил русский, с украинцами в командировке объяснялся свободно. Он был уверен, что мощная украинская армия без труда разнесёт орочьи толпы, прущие с востока, а он вместе с победителями войдёт в Москву. Вышло всё иначе. По мере продвижения к российским позициям группа растянулась, и Сэм, заметив это, тихо проговорил:

— Джо, не забудь: мы не журналисты, а кинодокументалисты. Запомни это намертво. Нам поручили снять фильм об этой войне, а наше дело — показывать правду. Мы оказались между двумя сторонами, потому что хотели зафиксировать, кто в кого и с какой силой стреляет. Ради этого и поползли на холм. Автомат тебе навязали и отдельно объяснили почему: если мы полезем туда без оружия, свои же украинские снайперы могут принять нас за дезертиров и снять. Надеюсь, патрон в ствол ты не досылал.

— Нет, конечно, сэр. Всё сделал, как вы приказали.

— Уже хорошо. Теперь медленно отойди к кустам, будто по малой нужде. Включи аварийный маяк на часах и незаметно брось их в кусты. Мои я уже активировал и втоптал в грязь там, в воронке. Наши возьмут направление и, я надеюсь, нас выгатают.

Джо остановился у кустов возле тропы и начал справлять нужду, стараясь незаметно снять часы. Включив тревожный сигнал, через спутник передававший их точные координаты, он швырнул часы в кусты. Так было предусмотрено заданием: при ранении, захвате или любом другом случае, когда не можешь двигаться сам, он обязан был включить этот маяк.

Группа шла не спеша по тропинке вдоль широких полей. Почти дойдя до лесополосы, вдруг свернула и вышла на открытое место. Джо не понимал: «Какого хрена они прут по открытому? Это же самоубийство». Не успели они отойти и тридцати метров от поворота, как со стороны украинских позиций в небе зашипела мина. Ударило тяжело, оглушительно.

Джо очнулся и понял, что на нём лежит человек. Он попытался выбраться, но резкая боль в ноге и затылке тут же скрутила его, и он застонал. Солдат, придавивший его, начал подниматься. Джо увидел, что тот держится за виски. «Контузило», — мелькнуло у него. Приподнявшись на локтях, он огляделся. Картина была жуткая. Одни лежали неподвижно, другие хватались за головы; кто-то перевязывал себя, кто-то — соседа.

Но страшнее всего было другое: Сэм лежал лицом вниз, без движения, в луже крови. Один из военных пнул его. Тело качнулось, но не отозвалось. Тот глухо, как после контузии, проговорил: «Этот кончился». Потом подошёл к Джо, осмотрел его и крикнул: «А этот ранен. Перевяжите кто-нибудь, у меня аптечка пустая». И уже ему, Джо: «Я думал, ты тоже на тот свет отправился, а ты гляди-ка — живой. Повезло тебе, паря. А вот дружку твоему, похоже, всё».

Один из солдат сделал Джо укол и перевязал рану. Сказал, что ему крупно посчастливилось: рана неглубокая, осколок прошёл по касательной. Джо смотрел на всё это с тупым изумлением. У солдата, который прикрыл его собой, бронежилет на спине был распорот осколками той самой мины. «Спасибо тебе, солдат. Спас ты мою задницу. Только что дальше? Может, лучше было сразу сдохнуть, чем ждать пыток? Сэм уже не поможет. Хорошо хоть я успел ему сказать...» — подумал Джо, но вслух не произнёс ни слова. Двое солдат подхватили его под мышки, третий взвалил его ноги на плечи. Быстрым шагом они ушли в чащу лесополосы.

Обернувшись, Джо увидел, что остальные начали уносить в лес неподвижные тела.

Часть 2

За лесополосой их ждал бронетранспортёр. На нём Джо доставили в полевой медпункт, где рану заново обработали и отправили дальше — в госпиталь. Везли его с другими солдатами, не с теми, кто его взял. Он пытался выяснить, где остальные из той группы, но ему ответили, что, наверное, в другом транспорте. Раненых развозят по разным госпиталям, и кто куда попадёт, заранее не знает никто.

Здесь Джо поселили в отдельную палату с решётками на окнах и часовым у двери. «Плен. Разве об этом я мечтал, когда поступал в университет ЦРУ в родной Вирджинии?» — думал он. Его мучили кошмары, он спал урывками, то и дело просыпаясь. Мысли метались: то ему чудилось красивое самоубийство, то — побег и героическое возвращение в Америку. В первый день его усиленно лечили, и странное дело — боль в ноге быстро отступила. Осталась только глухая, ноющая тяжесть. Больше всего врачей тревожило возможное нагноение раны. Но удивляло Джо другое: никто, кроме медиков, им всерьёз не интересовался.

И только на следующее утро, проснувшись, он увидел в палате мужчину в штатском. Тот стоял у окна. Джо сел на кровати, и незнакомец, улыбнувшись, обернулся:

— Доброе утро, сэр Джозеф Петерсон. Как вам спалось? Нет ли жалоб на наших медиков? О здоровье не спрашиваю — врачебный отчёт у меня уже есть.

Джо удивлённо уставился на него. В голове мгновенно завертелось: «Полного имени и фамилии не знали даже украинские власти. Сэм, скорее всего, мёртв. Да и с ним мы общались только по именам. Я и фамилии-то его не знаю. Мог ли он знать мою? Вряд ли. Нас готовили под специальную миссию, мы вообще были из разных служб. Ладно. Посмотрим. С этим типом надо быть осторожнее». Мужчина выдержал паузу, взглянул в окно и спокойно сказал:

— Зовите меня Сергеем Петровичем. Я ваш куратор. Мы с вами будем решать, как вам жить дальше. Можете придумать для меня любую историю о том, как вы оказались в этой палате, и обещаю: на первых порах, ради поддержания беседы, я даже сделаю вид, что верю.

Сергей Петрович широко и почти добродушно улыбался:

— За время вашего пребывания здесь мы подготовили территорию так, чтобы вы могли спокойно по ней передвигаться. Пост у вашей палаты снят. Гуляйте, набирайтесь сил.

Он уже шагнул к двери, но на пороге обернулся и совсем другим, серьёзным голосом добавил:

— Вы нас очень интересуете. Поэтому при попытке побега охране велено вас не убивать, а только ранить. Вам это надо? Так что за свою жизнь не тревожьтесь: мы её бережём.

Джо сидел на кровати и пытался понять, что вообще с ним происходит и к чему всё это ведёт. Дверь распахнулась, вошла медсестра и сообщила, что еду в палату ему больше носить не будут. Теперь он должен сам ходить в столовую и следить за расписанием питания и процедур. Следом явилась сестра-хозяйка — принесла больничную одежду и обувь. Джо оделся и вышел в коридор.

Глянул на дверь своей палаты — и застыл. На листе формата А4, засунутом в пластиковый файл и приклеенном скотчем, была его фотография в военной форме, полные анкетные данные, список болезней и прививок, а также отметки о переносимости лекарств. «Как это вообще могло сюда попасть? Центр меня слил? Вот почему тот мужик так спокойно со мной говорил. Что им ещё обо мне известно?»

Он стоял, не скрывая растерянности. В это время мимо шли раненые: у одного голова забинтована, у другого нет кисти, у третьего рука на перевязи. Один из них остановился:

— А! Шпион! На завтрак собрался? Пошли с нами, покажем, где столовка. — И протянул руку: — Василий. Можно просто Вася. А ты, я так понимаю, Джозеф?

По своей американской привычке Джо натянул вежливую улыбку:

— Спасибо за помощь. Меня зовут Джо, — и пожал ему руку.

Завтрак оказался неожиданно вкусным. Раненые шутили, подкалывали друг друга. Джо сел один за свободный стол и украдкой оглядывал зал: все ели, переговаривались, смеялись. Под конец к нему подсел Василий:

— Слушай, Джо, не сиди сычом. С людьми всё-таки легче беду переваривать. Ну попался ты — значит, судьба такая. Не кисни. Многие на тебя здесь злятся. Но не потому, что ты враг, а потому, что с твоим появлением тут началась такая кутерьма, что мама не горюй. Раньше как жили? Утром процедуры, потом тихий час, а дальше — свободное время. Вот тогда мы кого-нибудь и отправляли за территорию за анестезией. А как ты появился — все лазейки прикрыли. Теперь вот грустим без дополнительного обезболивания.

Джо удивлённо посмотрел на него:

— А что, медицина вас анестезией не обеспечивает?

Василий громко расхохотался:

— Да, Шпион! Как же тебя не взяли-то? Как же вас там готовили? Да любому россиянину — хоть какой он национальности, хоть какого вероисповедания, — да что там, любому пацану было бы ясно, что мы... — он перешёл на шёпот, — за водкой бегали. А обезболивающим тебя наша медицина обеспечит от души. — И уже нормальным голосом: — Пойдём покурим, с народом познакомишься. Нам, похоже, тут ещё долго куковать.

Когда они вошли в курилку, Василий объявил на весь двор:

— Это наш знаменитый шпион. Зовут Джо. Знакомьтесь!

Раненые по очереди подходили, жали ему руку, называли свои имена. Запомнить всех он, конечно, не мог. Но почти каждый говорил что-нибудь ободряющее: не кисни, мол, всё будет нормально. А Джо думал: «Нормально — это как? И почему они вообще так дружелюбны?» Его размышления прервал один из раненых:

— Ты, шпион... ой, извини, Джо, не тушуйся. Мы же понимаем, что в наших ты не стрелял. Значит, и убивать тебя вроде не за что. То, что ты враг, — так приказ у тебя такой. Ты присягу давал своей стране, как и мы своей. А что вами там уроды руководят — так это ваша беда. И повлиять вы на это никак не можете: у вас же демократия — значит, своё руководство напрямую выбирать нельзя: за вас голосуют выборщики — чтоб вы, не дай бог, не ошиблись. А у нас диктатура — мы сами прямым голосованием власть себе выбираем. Так что у вас демократия для власть имущих, а у нас диктатура народа над властью. Сразу не врубись, американец. Но поживёшь среди нас — начнёшь догонять.

Раненый умолк и покатил свою инвалидную коляску к корпусу. Джо сунули сигарету, дали прикурить. Другой боец спросил:

— Слушай, Джо. А ты не обидишься, если мы тебя шпионом звать будем? Ну, между собой. Считай, позывной у тебя такой.

Джо пожал плечами:

— Что ж, шпион так шпион. Разведчиком называться куда приятнее — но это у себя дома. А здесь... здесь пусть будет шпион.

В этот момент в курилку вошёл Сергей Петрович. Поздоровался со всеми и заметил, что Джо правильно делает, не скрывая, что действительно служит в иностранной разведке. Говорил он медленно, негромко, с явным удовольствием от собственного голоса. Но Василий тут же его перебил:

— Петрович, ты на парня не наезжай. Он теперь такой же раненый бедолага, как и мы. Лучше помоги человеку с куревом. И вообще, поинтересуйся: может, у них там принято в честь знакомства поляну накрывать, а он братве пару пузырей выкатить хочет.

Сергей Петрович резко повернулся к нему:

— Ты, Петров, кончай балаган. Какие ещё пузыри? Я тебе обещал: поймаю с водкой — доложу командованию о твоих художествах и нарушении режима. Смотри у меня. А насчёт курева ты прав, решим вопрос. Денег-то у Джозефа действительно нет.

Но Василий не унимался:

— Петрович! Так наш Шпион офицер. Ты его на денежное и вещевое довольствие поставь — вот и решение вопроса. А он потом уже на свои кровные перед ребятами проставится.

Сергей Петрович махнул рукой, буркнул что-то насчёт того, что горбатого только могила исправит, и ушёл под общий смех. Джо стоял в полной растерянности. Раненые оживлённо обсуждали, как Василий только что осадил особиста. Кто-то дёрнул Джо за рукав. Он обернулся. Рядом, в инвалидной коляске, сидел тот самый человек, что недавно распинался про американскую демократию.

— Держи, — он протянул Джо пачку сигарет и зажигалку. — А то эти весельчаки забывают, что человеку иногда нужно не только ржать. Смотри: войдёшь через главный вход, справа будет кафе. Буфетчицу я предупредил — у тебя денег нет. Что нужно — бери. Потом из общака за тебя закроем. А появятся свои — кинешь в общую кассу сколько не жалко. Здесь, парень, жизнь всякая. У бойцов деньги обычно есть, а бывает, родственники приедут — без копейки, а их боец без сознания. Сидят, глазами хлопают, что делать — не знают. Вот мы с ребятами общак и завели. Не стесняйся, в общем.

Джо закурил, а Василий решил провести ему ликбез:

— Ты, Шпион, Петровича особо не бойся. Он у нас вроде как первый отдел: следит, чтоб не бухали, не чудили и к медперсоналу не липли. Спит и видит, как бы кого с водкой поймать. Всё вынюхивает, кто носит, откуда. Для тебя он не самый страшный. А вот скоро приедут ребята из контрразведки — с теми тебе будет веселее. Но это уже не наше дело. У вас с ними свои танцы. Мы здесь в основном штурмовики. А ты, я смотрю, оружие только в тире и держал.

Один из стоявших рядом раненых спросил:

— А ты, Вася, с чего взял, что Шпион только в тире стрелял?

Василий оживился:

— Саня, фильм «Место встречи изменить нельзя» помнишь? Там жена Горбатого говорит: «На руки его посмотри!» Вот и я тебе то же скажу: посмотри на его руки и со своими сравни. Пальцы тонкие, кожа белая, чистая, без мозолей, какие бывают у тех, кто с железом живёт. Наколок нет — значит, не нацик. Ну, во всяком случае, не кичится. А вот костяшки набиты правильно, видно, каратэ занимался серьёзно. Ты, Шпион, что, Россию голыми руками брать собирался?

Саня тоже решил поддеть Джо:

— Не, Васятка. Шпионам ещё и ум нужен. И спецкостюм непробиваемый.

Джо уже хотел уйти, но, подумав, решил сыграть в их тон:

— Нет, мужики. Ум, костюм и всё остальное — не главное, — и многозначительно замолчал.

На все расспросы, что же тогда главное, он отвечал, что это, наверное, лучше знают Василий и Александр. Народ заржал, а Вася с Саней были таким поворотом явно недовольны. Но тут уже подошло время процедур и врачебного осмотра. Доктору Джо пожаловался, что его тревожит не столько нога, сколько головная боль и ломота в затылке.

— У вас, молодой человек, обширная гематома на голове. Такое бывает. Может, ударная волна. А может, солдат, который прикрыв вас от осколков, падая, задел вас каской или оружием. Вы в каске были?

Подумав, Джо ответил:

— Нет. Каску я снял при обыске, а потом не помню, куда она делась. Скорее всего, на мне её уже не было.

Врач полистал бумаги и подтвердил, что в стационар Джо поступил без каски, да и в записях полевого медпункта о ней не было ни слова. После этого доктор прочёл небольшую лекцию о том, что бойцу всегда следует быть в каске. Заявил, что именно беспечность Джо и привела к такой травме. Джо поблагодарил его за науку и с усмешкой заметил, что в следующий раз, если таковой случится, уж точно будет в каске. Тот сухо ответил, что шутки здесь неуместны, и вышел из палаты.

Джо лежал на кровати, смотрел в потолок и думал, что врач, судя по всему, человек действительно порядочный. Для него и правда нет разницы, кого лечить. И это почему-то казалось прекрасным: на свете есть просто люди, а не только военные, которым положено уничтожать противника любым способом и в любом месте. И тут же он поймал себя на том, что думает так о врагах. «Что со мной? Я же должен ненавидеть их всех. Это же орки, враги человечества. А может, нам там что-то говорят не так? Нет!» — он яростно гнал эти мысли прочь. Незаметно для себя Джо задремал.

— Ты чего разлёгся? Пойдём покурим перед обедом! — донёлся из двери громкий голос Василия.

— Я... я иду, — спросонья пробормотал Джо. — Только в туалет заскочу и догоню.

Подходя к курилке, он услышал громкий спор. Остановился за кустом, так, чтобы его не было видно, и прислушался. Говорили явно о нём:

— Я тебе, Вася, прямо скажу: американцы нам враги. И нечего этого пиндоса приучать с нами на равных общаться. Пусть в сторонке постоит, пока здесь настоящие воины курят, — басил кто-то.

— Ты, Федя, в корне не прав, — узнал Джо голос Василия. — Да, парень из вражеской страны, может, и сам враг лютый. Но он ранен. И ранен не в жопу, убегая, и в штаны не наложил. Взяли его, между прочим, на передке. Я с ребятами, которые его брали, говорил. Они сами удивлялись: держался спокойно, с достоинством, а после ранения даже не стонал — не то что некоторые наши. И здесь, смотри, мужиком держится.

— Может, и так, — не сдавался Фёдор. — Только взяли его, как я слышал, с оружием в руках. Так что не надо мне тут заливать.

— Так-то оно так, — ответил Василий, — только нюанс там один есть.

— Какой ещё у тебя нюанс?

— А такой. Когда его автомат осмотрели, оказалось: патрон в патронник не дослан. И это на передке, под мощным обстрелом. Как тебе такое? Он не новичок и не сопляк. На двери палаты написано: First Lieutenant, то есть старший лейтенант. Я в интернете посмотрел. Так что не мальчик уже.

— И что это нам даёт? Дослал, не дослал — был с оружием. Значит, мочить. Нехрен к нам с пушкой ходить, — упёрся Фёдор.

— А Васька прав, — вмешался другой голос. — Я вам так скажу, мужики: я в разведке уже два года, а всё равно, когда за ленточку идти надо, страшно.

— Ваня, не преувеличивай, — со смехом сказал Василий. — Не «страшно», а жутко страшно. Только этот страх и нужен, чтобы глупостей не наделать. А так — делаем своё дело. Мы с Ваней в таких мясорубках бывали, что хрен поймёшь, как вообще живы остались. Так что, мужики, лично для меня разведчик — брат. Там, за ленточкой, я бы его либо взял, либо положил. А здесь он такой же воин, как и мы. И мы не пиндосы и не хохлы — с пленными не воюем и не добиваем их. Сейчас он у нас гость. А дальше — не нам решать. Там разберутся.

— Может, и прав ты, — прогудел Фёдор.

Кто-то толкнул Джо в плечо. Он обернулся и увидел улыбающегося Александра:

— Что, любимым делом занимаешься — шпионишь?

Джо тоже улыбнулся:

— Работа такая. Интересно же, что вы обо мне думаете.

— Это понятно. Ты не расстраивайся. Люди у нас, как и везде, разные. У каждого своя башка, своё мнение. Но солдатский долг здесь все понимают. А с пленными мы и правда не воюем. Если виноват в чём-то — следствие и суд разберутся. Здесь ты такой же раненый, как мы все. Пойдём покурим.

Когда они вошли в курилку, там повисла тишина. Джо решил нарушить её первым:

— Я стоял за кустами и слышал ваш разговор. Не знаю, как поступили бы в такой ситуации американские военные: мне в подобном бывать не доводилось. Думаю, у нас такой, как я, не находился бы рядом с теми, кто его фактически взял. В лучшем случае я лежал бы в тюремной больнице. Спасибо вам. И простите, если с моей стороны что-то было не так.

Все засмеялись, а огромный мужик вдруг сказал — на смеси русского и украинского:

— Ты, хлопчик, не боись. Ещё и тюремную хату побачиш.

Джо не удержался:

— Простите... а вы украинец?

Мужик расхохотался:

— А ты, Шпион, думал, шо все хохлы обязательно фашисты? Не. Среди нас тоже нормальные люди есть. И не только я. Вон Тарас — вообще западэнец, а на тебе: не пидор и не клоун. Там, откуда ты к нам приполз, людям втирают, шо вы, америкосы, им поможете. А они не понимают, что вы их просто ограбите и в рабов превратите. Не, паря, шо хохол, шо кацап — это всё одно русские. Тебе пока не понять. Но ничего. Мы вам это объяснять не будем — мы вам это в башки вобьём. Я тебе так скажу: русский — это тот, кто в России живёт. И татарин, и калмык, и якут — все. И мы, украинцы, тоже русские. И ничего вы с нами не сделаете. А вот мы вас всех вы...м так, что в веках помнить будете. На этот раз — уже точно.

В этот момент явилась медсестра и стала распекать всех собравшихся: вместо того чтобы идти на обед, они торчат в курилке и матерятся как сапожники. Девушка была маленькая, худенькая, голосок — тонкий, почти тихий. Но все мужики почему-то сразу подчинились и, извиняясь, потянулись в столовую. Она стояла, подбоченившись, и смотрела так грозно, что Джо едва не улыбнулся. Глаза у неё явно смеялись.

После обеда курилка снова быстро наполнилась. Джо вовсе не хотел туда идти, но Василий, подмигнув, ухватил его под локоть и сказал:

— После сытного обеда, по закону Архимеда, чтобы жиром не заплывать — полагается курить. Пойдём, Шпион.

Пришлось идти.

В курилке шёл привычный разговор. Раненые жаловались на лечение, на сроки, на то, что раны заживают медленно. Но больше всего их раздражало одно: они не могли вернуться в свои части.

— Мне бы ещё две недели — и я готов, — ворчал один.

— Тебя уже три врача списали, какой готов, — отмахивался другой.

— Да ну их! Пока мы тут сидим, пацаны там без нас!

Джо слушал и никак не мог понять: «Они хотят обратно в бой? Они уже получили тяжёлые ранения, им полагается страховка, вернутся домой, будут жить спокойно. Зачем им снова туда?»

Он пытался осмыслить это, но мысль оборвал мягкий женский голос:

— Господин Джозеф Петерсон?

Он поднял голову. Перед ним стояла медсестричка — та самая, что разгоняла мужиков перед обедом.

— Вас просят пройти в кабинет главного врача госпиталя. Будьте добры... докуривайте и пойдёмте со мной.

Джо затушил сигарету, кивнул и последовал за ней.

В курилке стало тихо. Раненые молча смотрели ему вслед.

Как только он вышел за дверь, тишина мгновенно сменилась гулом обсуждений:

— Кажись, Шпиона на этап готовят

— Или следаки приехали.

— Да нет, рано ещё. Может, переводят куда

— А может, наоборот, проверять будут. Главврач — это не просто так.

— Не к добру это всё

Кто-то нервно хмыкнул, кто-то махнул рукой, но все понимали: для Джо что-то меняется. И неизвестно, в какую сторону.

— Я, мужики, сейчас наблюдал, как особист наш суетился, — проговорил один из раненых. — Три «пиджака» прибыли, наверное, по душу нашего Шпиона.

— Сам ты «пиджаки», — отозвался другой. — Особист перед ними в струнку вытянулся. Я сам слышал: начал доклад маленькому такому, со слов «товарищ полковник», а тот ему строго: «Не надо, капитан, нас всем представлять. Пойдёмте к главврачу в кабинет, там и послушаем твой доклад». А ты тут — «пиджаки». Всё, пц нашему Шпиону, в «Лефортово» увезут.

— Да нет, — заявил Василий. — Нафига тогда за сутки из госпиталя практически тюрьму сделали? Мышь не проскочит.

— Мышь-то не проскочит, — проговорил знакомый уже «гонщик» в коляске, — а телегу мою я с утра водярой загрузил — по самый не балуйся.

— Ты, «гонщик», не путай мышь с живительной влагой. Мышь — она в разведке не служила, — хмыкнул кто-то.

— Знаем мы твою разведку! — засмеялся «гонщик». — Смотри, особист накроет и тебя, и нашу Машеньку за эти фокусы!

— Нет, ребята, Серёга нас не сдаст, — уверенно сказал Василий. — Сам вы**ет, но не сдаст. Он мужик нормальный.

— Ты откуда это знаешь? — усмехнулся один из раненых.

— Мы с ним из одного города. Более того — с одной улицы. Я-то хулиганом был, а он пай-мальчик, отличник и спортсмен. Поначалу, ещё в младших классах, мы с ним дрались, а потом в одну девочку втюхались.

Я братву собрал — хотели морду ему начистить, чтобы к моей девушке не лез. Встретили его в тёмном месте. Я в бой рвусь, а он спокойно, рассудительно объяснил нам, что кучей одного мы его, конечно, завалим, но проблему так не решим. Долго рассказывать

Он замолчал на секунду, словно возвращаясь в прошлое.

— Короче, решили так: кого Валентина выберет — тот и победил. Я, чтобы трусом не выглядеть, объявил: если она его выберет, я им на свадьбу самый огромный букет выкачу и мотик свой отдам — приз победителю.

— И что дальше было? — загудели раненые.

— Что-что. Когда они в ЗАГС заявление подали, я Серёге свой мотик прикатил и отдал. Поздравил его, признал поражение. Всё по чесноку. На свадьбу букет огромный притащил, как Валюхе обещал, — и капли спиртного в рот не взял, хоть и уговаривали. Но самое интересное случилось через три дня. Сижу я у себя во дворе, судьбу тяжёлую обдумываю. Тут подъезжают Серёга с Валюхой на моём мотоцикле. Покрашен, ремонт сделан — вообще как новый. Я загрузил... А они слезают, подходят: «На, Васятка, подарок за честь твою пацанскую». И ключи мне вручают. Серёга — он не жмот. Он парень что надо. Но если за руку поймает — сам спуска не даст, а стучать никому не побежит. Уверен, что он и так всё знает. Но понимает: нам тут нелегко. Хотя дай нам волю — по кустам валяться начнём

— Это ты загнул, — засмеялся кто-то. — По кустам мы не будем, не алкаши же. Но что кнут нужен — это да.

Раненые потянулись по палатам — начинался тихий час.

А Джо, идя по коридору к кабинету главного врача, услышал громкую, почти крикливую перебранку в приёмной.

— И где, я спрашиваю, труп? — голос звучал уверенно, жёстко.

— Так, может быть, собаки или какие животные сгрызли — второй голос был мощным, командным, но почему-то неуверенным.

— Хватит мне сказки рассказывать! Какие к чёрту собаки? Среди нескольких трупов только одного не хватает! — раздражённо бросил первый. — Что я наверх докладывать буду? Что эти двое вообще там делали? Кто мне на это ответит?

Пауза.

— Так, полковник. Идите и найдите мне это тело. В любом виде найдите. Понятно?

— Так точно! Есть найти!

Джо с медсестрой как раз подошли к приёмной главного врача. В этот момент дверь распахнулась, и им навстречу вышел полковник в полевой форме. Лицо у него было красным, взволнованным, как у человека, который только что сдерживал крик или оправдывался перед старшим начальством.

Джо сразу узнал его — это был тот самый офицер, который в полевом медпункте интересовался его состоянием.

«Значит, именно его сейчас отчитывали. Но что за труп? Кого они ищут?» — пронеслось у него в голове.

Полковник не обратил на Джо внимания, прошёл мимо быстрым шагом и исчез в конце коридора.

В приёмной Джо предложили присесть в кресло и подождать. Медсестра ушла, а секретарша главврача отложила папку, нажала кнопку на телефоне и сказала:

— Господин Петерсон прибыл.

Из кабинета раздался резкий хлопок — дверь захлопнули. Почти сразу послышалось, как изнутри закрыли вторую дверь, ту, что вела в служебные помещения. Голоса там быстро стихли.

Секретарша включила телевизор — на тихой громкости, чтобы не слышно было разговоров в кабинете. Убрала несколько бумаг, выровняла стопку, вздохнула и сказала:

— Вас позовут. А мне пора на обед.

Она ушла, оставив Джо одного.

Телевизор тихо бормотал, показывая какие-то новости и передачи — обрывки слов, названия городов, статистику, графики. Всё это сливалось в убаюкивающий фон, словно отрезая пространство приёмной от остального мира.

Кресло было мягким, удобным, слишком тёплым после коридорного холода. Впервые за много часов Джо позволил себе расслабиться — хотя бы на секунду.

Этой секунды хватило, чтобы веки тяжело сомкнулись.

Он задремал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.